

DOI: 10.5281/zenodo.1226477

УДК 821.161.3.09(092)+821.161.09(092)

Глазман Л. Я.

Глазман Любовь Яковлевна, преподаватель кафедры литературы филологического факультета, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова. 210038, Республика Беларусь, г. Витебск, пр-т Машерова, 33, lubov_glazman@bk.ru.

Проблема передачи нарраторской самоидентификации в эпистолярных Л. Андреева и М. Горьцкого

Аннотация. В статье в компаративном аспекте исследуется самоидентификация рассказчика в эпистолярных текстах Л. Андреева (1871 – 1919) и М. Горьцкого (1893 – 1938). Целью исследования является установление форм передачи нарраторской самоидентификации в письмах и ее специфики в эпистолярной прозе Л. Андреева и М. Горьцкого. Материал исследования: наиболее ярко отражающие указанный аспект тексты писем Л. Андреева (М. Горькому, Н.А. Чукмалдиной), тексты писем М. Горьцкого (Е.Ф. Карскому, Л.У. Горьцкой, родителям). Во время исследования нами используются компаративный и культурно-исторический методы. Научная новизна обусловлена как отсутствием сравнительных исследований по творчеству Л. Андреева и М. Горьцкого, так и неразработанностью проблемы самоидентификации в прозе и русского, и белорусского авторов, а также недостаточной изученностью эпистоляриев Л. Андреева и М. Горьцкого. Выявлены формы проявления затрудненной идентичности в письмах Л. Андреева и М. Горьцкого, определена направленность самоидентификации личности в текстах писем. Самоидентификация личности в эпистолярных текстах русского автора раскрывается благодаря широкому использованию экспрессивных средств, приемов рефлексии и маски. В письмах белорусского писателя большую роль в передаче нарраторской самоидентификации играет лаконичность и сжатость повествования. В письмах Л. Андреева прослеживается концепция индивидуалистического существования, связанная с установкой личности на отрицание, в противовес идее сосуществования личности с другими людьми и установкой на принятие в письмах Горьцкого.

Ключевые слова: русская проза, белорусская проза, эпистолярный, самоидентификация личности, нарратор, маска, авторская игра.

Glazman L.Ya.

Glazman Lyubov Yakovlevna, the teacher of literature department Faculty of Philology, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 210038, Republic of Belarus, Vitebsk, 33 Masherov Ave, lubov_glazman@bk.ru.

The problem of demonstration of narrator's self-identification in L. Andreyev's and M. Haretsky's epistolaries

Abstract. The article deals with the narrator's self-identification in L. Andreyev's (1871-1919) and M. Haretsky's (1893-1938) epistolary texts are investigated in the comparative aspect. The goal of the work is to determine forms of representation of the narrator's self-identification in the letters and its specificity in L. Andreyev's and M. Haretsky's epistolary texts. Material of the research is the texts of L. Andreyev's letters (for M. Gorky, N.A. Chukmaldina), the texts of M. Haretsky's letters (for E.F. Karsky, L.U. Haretskaya, parents), which reflect the aspect of self-identity most vividly. use Comparative and cultural-historical methods are used in the work. Scientific novelty is connected with the fact, that comparative studies on the works of L. Andreyev and M. Haretsky absent as well as study of the epistolaries of L. Andreyev and M. Haretsky are absent, too, and

the problem of self-identification in prose of both Russian and Belarusian authors are not studied. The forms of manifestation of the obstructed identity in L. Andreev's and M. Haretsky's letters were revealed, the direction of individual's self-identification in the texts of letters was defined. In the epistolary of the Russian author, self-identification is demonstrated through the extensive use of expressive means, function of reflection and mask. In the letters of the Belarusian writer, the narrowness and conciseness of the narrative play has a greater role in the reflection of self-identification. In Andreev's letters, the concept of individualistic existence is traced, it is connected with the aspiration of personality to deny, in opposition to this idea, there is coexistence of the person with other people and the aspiration to accept life in Haretsky's letters.

Keywords: Russian prose, Belarusian prose, epistolary, personal self-identification, narrator, mask, author's game.

Эпистолярные тексты характеризуются определенными особенностями в раскрытии самоидентификации личности, во многом обусловленными их жанровой спецификой. Прежде всего, эпистолярные тексты являются разновидностью автобиографической прозы, следовательно, в центре внимания читателя оказывается образ повествователя, максимально приближенная к личности автора. В письмах раскрывается непосредственно переживаемый личный опыт писателя, представляющий собой другой, по сравнению с собственно художественными жанрами малой» прозы, уровень рефлексии. Кроме того, важными моментами являются «сюжетная незаданность» [6, с. 25] эпистолярности и его диалогичность (наличие конкретного адресата), поскольку степень раскрытия личности рассказчика становится зависимой от социального статуса собеседника, степени знакомства и взаимоотношений с ним наратора, конкретных обстоятельств и цели переписки.

Исследование повествовательской самоидентификации эпистоляриев двух современников, классиков двух близких культурно-литературных традиций Л. Андреева (1871 – 1919) и М. Горьцкого (1893 – 1938) представляется необходимым для более глубокого постижения на компаративной уровне проблем места человека в мире, его самоидентичности и концепции личности в художественной прозе указанных авторов.

Одной из важнейших форм раскрытия повествовательской самоидентичности в эпистоляриях Л. Андреева и М. Горьцкого является нарочито абстрагированное отношение нарратора к герою, являющееся чаще всего одним из способов саморефлексии. При этом образ автора «раздваивается», выявляя отдельные моменты внутриличностного конфликта. Такое явление характерно в большей степени для писем Л. Андреева, в особенности предназначенных близким людям (М. Горькому, Н. Чукмалдиной), преимущественно выступающее в них как средство рефлексивного самооправдания или желания быть правильно понятым и одновременно защищенным собственной самокритикой от критики собеседника. Так, в письме от 2-го апреля 1916 г. Андреев пишет Н. Чукмалдиной о себе в третьем лице в шутливо-ироничном тоне, будто бы пересказывая свои впечатления от встречи с героем письма: «Он очень изменился, как-то повыцвел, поскуцнел; прежде я часами мог болтать с ним без скуки – теперь через полчаса хочется от него бежать <...> Во что превратился человек! <...> Спросил я его о тебе – оказывается, совсем не помнит, переспрашивал фамилию») [1]. Подписывается автор тоже чужой фамилией.

Такой прием «маскирования» как формы проявления затрудненной идентичности (термин Л.А. Софроновой [5]) часто сочетается у Андреева с другими способами авторской игры, в том числе, с языковой игрой (сравнениями: «занят анафемски, как портной на Пасху» [1], афоризмами: «свою глупость надо есть втихомолку, как краденые конфеты») [1], перефразами: «милый дяденька» [4, с. 108], «чёртушка» [4, с. 109] (в обращениях к Горькому), с использованием древнерусских оборотов: «еду на тя» [4, с. 142], аллюзиями: «наступает время, мы оба умрем, и из нас вырастет лопух» [1] (на Базарова из романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева) и т.д.).

Дистанцирование от образа «я» в письмах к М. Горькому выступает у Л. Андреева, склонного к пространным рефлексиям и объяснениям, инструментом самооправдания «У меня

всегда было смутное подозрение, что этот противный господин <...> не есть я» [4, с. 174]. В переписке с Н.А. Чукмалдиной – женщиной, к которой автор был равнодушен на протяжении всей своей жизни, – маска является одним из игровых приемов, призванным намеренно запутать собеседника: «Обещания свои я исполняю скверно, это правда, но не все и не всегда» [1]; «пожалуйста, не верь мне ни на грош!» [1].

Рассмотренные и подобные им случаи выполняют игровую функцию привлечения внимания к собственной персоне. Их дополняют различные формы пародийного самоуничижения рассказчика, восходящие еще к древнерусской традиции автобиографической прозы.

В эпистолярной прозе белорусского автора цель схожих приемов маскирования и других форм проявления иронического иная. Различия вызваны как индивидуальными различиями в самоидентификации авторов и их творческих методов, так и разными жизненными ситуациями, в которых находились художники слова. Сохранившаяся переписка М. Горецкого носит преимущественно деловой характер. Что касается писем, адресованных семье, то очевидную роль сыграли сложные обстоятельства биографии Горецкого: создание эпистолярного наследия, адресованного жене Л.У. Горецкой и маленьким дочери и сыну, родителям писателя, относится, в основном, к периоду ссылки в г. Вятку (Киров) в 1930 – 1935 гг., связанному с политической травлей Горецкого.

В письмах М. Горецкого рассказчик редко становится специальным объектом внимания, если это не вызвано объективной жизненной необходимостью. Авторская ирония в большинстве случаев направлена на то незавидное положение, в котором оказался Горецкий. Через различные средства проявления иронического показывается восприятие писателем трудностей и перипетий, которые преподнесла ему и его семье судьба – с горьковатым юмором, граничащим с покорностью. При этом прием маски, выявляющий, своего рода, распадение на субъект и объект писательского внимания, рассказчик использует довольно редко. Прежде всего, встречаем его в письмах из Вятки в виде эпистолярных псевдонимов, которыми подписывался Горецкий: «Бродяга» («Брадзяга») [2, с. 437], «Старый дурень» («Стары дурань») [2, с. 438], «Задумекус» («Задумекус») [2, с. 439], «Максим дурной совсем» («Максім дурны саўсім») [2, с. 447].

Прием маскирования же характерен для ряда философско-аллегорических текстов писателя автобиографического, дневникового характера: «Лявониус Задумекус» («Лявоніус Задумекус») (1931–1932), «Кипарисы» («Кіпарысы») (1928, 1931–1935), «Сокровища жизни» («Скарбы жыцця») (1935, 1937(?)), которые не являются объектом нашего анализа. Единственным примером может служить письмо к жене от 3-го февраля 1932 г, написанное, под влиянием создания одноименного произведения, от имени Лявониуса Задумекуса и подписанное как «Бродяга» [2, с. 437].

Другие игровые формы проявляются посредством языковой игры, основанной на ситуации билингвизма белорусов: «Зачем же «беспокоишься»? Я же тебе пишу...» («Чаго ж «беспокоишься»? Я ж табе пишу...») [2, с. 412]; «Писали мне из Богатыковки, «Іван шчу ў горыдзі» («Пісалі мне з Багацькаўкі, «Іван шчу ў горыдзі») [2, с. 452], – передразнивает Горецкий русизмы в речи жены и специфический местный говор из родного села. Для автора, который максимально серьезно относился к чистоте языка, создавал словари, сам делал много правок в своих текстах, искал языковые эквиваленты, такие лингвистические замечания были характерны. Даже в письмах с самым бытовым содержанием Горецкий часто обращается к моментам перевода: «Белье мыть занес в прачечную» («Бялізну мыць занёс у бальнічную пральню (ці прачкарню?)») [2, с. 422].

Надо отметить, что М. Горецкий достаточно редко использует приемы затрудненной идентичности, чаще берет искренний тон повествования. Юмористические ноты помогают ему коснуться серьезных, щекотливых вопросов, которые волновали автора и требовали определенной выясненности. Например, находясь в долгой разлуке с женой и не зная срока

своей ссылке, Горецкий пишет как бы между прочим: «Как твои дела? Кто за тобой ухаживает? Можешь погулять. Пока» («Як ты маешся? Хто за табою ўхаджае? Можаш пагуляць. Бывай») [66, с. 415], – неоднократно, но ненавязчиво проявляемое «между строк» беспокойство автора о жене, которая заживо похоронила свою молодость, оставшись с двумя детьми на руках вдовой при живом муже; своего рода, подготовка к долгой разлуке на неопределенный срок.

Неоднократно звучит ирония над своей судьбой: «...все ждал какого-то «обустройства» в своей новой жизни, говоря твоими словами. К сожалению, «обустройство» туго приходит» («...усё чакаў нейкага «абсталявання» ў сваім новым жыцці, гаворачы тваімі словамі. На жаль, «абсталяванне» туга прыходзіць») [2, с. 414]. Или над финансовыми проблемами: «Я вышел в тираж» («Я выйшаў у тыраж») [2, с. 414]. Такая жизненная установка выявляет в рассказчике высокую степень осознания себя как одного из представителей своего народа и времени; осознания, что время и обстоятельства не выбирают; способность продемонстрировать те ментальные и личностные качества, которые в тех сложных условиях были необходимыми составляющими гуманистической жизненной позиции.

Прослеживая особенности самоидентификации личности в эпистолярных, важно обратить внимание на отношение рассказчика к образу «я». Это отношение выражается, кроме прочего, в манере повествования. Общие, подчиняющиеся жанровым особенностям проявления самоидентификации личности сочетаются со специфическими, инвариантными для каждого из авторов характеристиками. Письма М. Горецкого отличаются информативностью, лаконичностью, присущей, впрочем, и его собственно художественной прозе. Документальная направленность писем порождает у него и сдержанность в описании характера и мировоззрения рассказчика, сводящимися к максимально сжатым замечаниям и коротким эмоциональным откликам такого типа, как: «Очень больно, милостивый господин академик, привыкнуть к мысли, что время идет, а вместо светлого творчества с широким размахом силы тратятся впустую неизвестно на что» («Вельмі балюча, міласцівы пане акадэмік, прызвычайіцца к думцы, што час ідзе, а замест светлай творчасці з шырокім размахам сілы марнуюцца нет ведама на што») [2, с. 400-401], – единственное выражение нарраторской эмоции в письме к ученому Е.Ф. Карскому, представляющем собой отчет по культурно-просветительской деятельности в Беларуси в 1921 г.

Такую же лаконичность встречаем в письмах к жене, что частично обусловлено невозможностью о многом писать в то время и в том качестве политически неблагонадежного для страны человека, каким являлся М. Горецкий в 1930-е гг. Кроме редких выражений чувств горечи и сожаления, которые позволял себе писатель в самые трудные моменты: «Бедные дети! Как скоро пришло то время, што поехали¹ без отца. И кто знает: может, это для них лучше, вырастут лучшими, чем отец» («Бедныя дзеці! Як скоро прыйшоў той час, што паехалі без бацькі. І хто ведае: можа, гэта для іх лепей, вырастаць лепшымі, чым бацька») [2, с. 415]. С дургой стороны, словесная и эмоциональная сдержанность, документализм связаны с особенностями литературного таланта автора, с его способностью передавать настроение одной емкой деталью, в отличие от нагнетающего экспрессивного и наполненного символами повествования Л. Андреева.

Еще одной особенностью передачи эмоционального состояния в текстах Горецкого является написание существенного, ключевого «между строк», незаметно среди фраз о повседневных, бытовых делах. Так, в письме из ссылки не сразу бросается в глаза брошенная мимоходом между сообщениями за квартплату и демисезонное пальто фраза: «Вообще, я прошу тебя смотреть на наши отношения так, что я тебя абсолютно ни в чем не связываю. Никакого недовольствия с моей стороны не будет» («Наогул, я прашу цябе глядзець на нашы адносіны так, што я цябе абсалютна нічым і ні ў чым не звязваю. Ніякага незадавалення з майго боку не будзе») [2, с. 407]. Отчетливо передается эмоциональное напряжение автора посредством

¹ Семья Горецких традиционно ездила летом на родину писателя в д. Малая Богатьковка.

обычных, даже тривиальных «целую сильно» в конце писем, коротких сообщений о том, что «здоров». Что уже говорить про это же «здоров» в записках из тюрьмы.

Совсем иная нарратологическая стратегия была избрана в эпистолярных Л. Андреевым для описания образа «я». Самоидентификация рассказчика становится у него ярким и самодостаточным объектом для самоанализа. Нарратор склонен подробно, в деталях, со свойственной Андрееву экспрессивностью объяснять собеседнику все оттенки собственных мыслей и мотивы поступков. Он предстает перед читателем личностью, склонной к рефлексии и остроумной самокритике. И, хотя одной из предпосылок чрезмерной строгости к своей персоне является желание привлечь внимание к себе и, в то же время, в определенных ситуациях себя оправдать, использование этого творческого приема связано прежде всего с особенностями писательского таланта Андреева и характеризует его творческий метод. Надо заметить, что автор сам постоянно следит за всеми переходами собственных мыслей и изменениями настроения. Он использует различные средства экспрессии (рассмотренные выше приемы игры, в переписке с Горьким присутствуют даже рисунки). Пафос его писем, во всех возможных для этого ситуациях преимущественно ироничный: «Со свойственной мне гениальной пронизательностью я решил, что ты меня за что-то ненавидишь. Ломаю голову, за что, но не придумаю!» [4, с. 204]. Или: «У меня всегда было смутное подозрение, что этот противный г-н в лаковых сапогах, который так часто говорит о своем я, – не есть я» [4, с. 174]. Вообще, Андреев всегда давал себе довольно трезвые моральные оценки, с неумолимостью строгого и беспристрастного критика. Неоднократно разоблачал собственные недостатки: «Я человек жизни внутренней, душевной, но не действия, и в тех случаях, когда нужно бороться не только словами, но и делом, я бессилён, не находчив и бесстыдно бесполезен» [4, с. 90]; «болтлив, вообще в действии не гожусь ни к чему» [4, с. 128].

Таким образом, эпистолярный Андреева представляет только биографическую ценность, но и художественную. Его отношение к собственной персоне настолько абстрагировано, что выявляет новую для подобного жанра систему взаимоотношений, где вместо традиционного «автор – рассказчик – адресат» отдельное место занимает еще и герой, отличный как от автора, так и от нарратора. Причем этот герой – Леонид Андреев – обретает ярко выраженные черты сатирического персонажа.

Особый пласт в контексте исследуемой темы занимает проблема самоидентификации личности, взятая в социальном аспекте. При этом Л. Андреева прежде всего интересует вопрос сохранения человеческого лица в условиях общего стремления к бытовому комфорту и замены человеческих отношений критериями социального и финансового статуса. Характерная для многих, в особенности, ранних рассказов русского автора («Осенняя слякоть» (1898), «Большой шлем» (1899), «Первый гонорар» (1900), «Мебель» (1902)), указанная проблема поднимается и в эпистолярных писателя, обеспокоенного собственным неоднозначным положением человека, разблажчающего мещанство как состояние души персонажей и не знающего эффективного способа самому быть полностью независимым от пороков изображаемых героев. Поэтому называет он себя «противным господином в лаковых сапогах» [4, с. 174]. Нарратор жестоко укорял себя и подвергал злой иронии за свойственные обывателям внешние благопристойность и благонамеренность, которые больше всего ненавидел в сытой и неспособной на настоящие чувства человеческой толпе, формируемой общими потребительскими интересами. В письме к Горькому читаем: «Живу я сейчас мило, благородно, трезвенно, сыто, почетно. «Леонид Андреев!» и мысли у меня благородные – всё о свободе и любви, и желания у меня чистые, и подштанники у меня чистые» [4, с. 195]. Рассказчик желал ощущать себя человеком духовно сильным, бунтарем, борцом с общепринятыми лицемерными законами (принимая которые даже черт вырождается в обывателя («Правила добра» (1911)), видя в мнимой чистоте и сытом спокойствии вершину саморазрушения личности. По мысли нарратора, лучше «сатанинская» гордость под плевками» [4, с. 195] и «гордые провалы пьянства» [4, с. 195], нежели обманчиво благоустроенное, постылое

существование. Подобные мысли нашли яркое отражение и во многих художественных произведениях Андреева и оказали значительное влияние на его авторскую манеру, на утрированно преувеличенные формы отражения самых неприглядных и неприятных сторон жизни. Именно за это многие современники, в числе которых был Л.Н. Толстой, высказывали в адрес писателя резкую критику. Например, З. Гиппиус охарактеризовала тягу к акцентированию Андреева темных сторон личности так: «Любовь к грязи, зародыш которой живет почти в каждом человеке, – в г. Андрееве и его произведениях достигла пышного, едва ли не болезненного развития. Он как будто сидит на краю дороги после осеннего дождя, медленно забирает рукой жидкую грязь и, сжимая пальцы, любит, как она чмокает и ползет вниз» [3, с. 40]. Такое утрирование андреевского творческого метода, безусловно, искажает саму его сущность.

Таким образом, для Андреева морально зрелой личностью является такая, которая живет вопреки общепринятым нормам, противопоставляет себя толпе, наименее идентифицирует себя с социальным окружением и не поддается искушению легкого существования «как все». Такая личностная самоидентичность соответствует модернистским представлениям о личности, сложившимся в культурно-литературной среде начала XX века.

Другая социальная концепция существования личности продемонстрирована в прозе М. Горького, пропитанной экзистенциальными мотивами. Личность, по мысли автора, должна осознавать себя частью сообщества людей. Предполагается, что в результате экзистенциального поиска человек постепенно приходит к осознанию личной ответственности за себя и за тех, к кому (за то, к чему) он имеет отношение. Примером поиска такой самоидентичности служат тексты писем Горького. Находясь в ссылке и хорошо понимая все подводные камни сталинской политики 1930-х гг., писатель не отказывается от установки на общие интересы народа. Так, он искренне советует родителям: Старайтесь, чтобы в колхозе жить со всеми дружно и ласково, чтобы колхоз хорошо развивался, тогда всем будет хорошо. Сперва, может, будет трудновато, а дальше – все лучше. Главное – согласие и общий интерес, а не свой индивидуальный» («Старайцеся, каб у калгасе жыць з усімі дружна і ласкава, каб калгас добра развіваўся, тады ўсім будзе добра. Спярша, можа, будзе цяжкавата, а далей – усё лепей. Галоўнае – згода і агульны інтарэс, а не свой індывідуальны») [2, с. 417].

Такое расхождение в позициях писателей во многом было обусловлено веяниями времени. Горький писал через два десятилетия после смерти Андреева, а также после «спада» модернистской волны социального отрицания, когда стало очевидно, что человек не может существовать и оставаться человеком, пренебрегая другими людьми и только культивируя силу собственной личности.

М. Горький хорошо понимал, что единственный способ жить в кризисных условиях – принятие этих условий. Если рассказчик в андреевских письмах стремится избежать абсурда, создаваемого реальностью, вражески относится к действительности, которая по этой причине начинает приобретать в его сознании черты фантазмагоричности, то нарратор эпистолярных Горького показывает тупиковость для личности этого пути в тех условиях, в которых оказался он. В противном случае – сумасшествие, моральное разложение, смерть, ставшие итогом для многочисленных персонажей андреевской прозы.

Рассказчик в эпистолярных белорусского автора осознает сам и показывает другим необходимость принятия жизни как единственную возможность справиться с гнетом обстоятельств: «И что вы за люди: живете все какими-то надеждами, а взять жизнь, как она есть, не приспособились» («І што вы за людзі: жыўціце ўсё нейкімі надзеямі, а ўзяць жыццё, як яно ёсць, не прызвычаліся») [2, с. 439]; «А все ничего: живу и радуюсь, и вы радуйтесь» («А ўсё нічога: жыву і радуся, і вы радуйцеся») [2, с. 452], – писал Горький в той трагической ситуации, которая обрушилась на него в последние годы жизни.

При этом нельзя назвать рассказчика бездумным оптимистом. На протяжении переписки перед нами живой человек, обуреваемый разными чувствами и настроениями. Однако

примечательно, что самую большую досаду у нарратора вызывает не столько насилие над его личностью, сколько незаслуженное отстранение от литературной среды, поскольку в новых условиях практически невозможно писать. Тем не менее, даже о тяжелой работе чертежника, портившей писателю здоровье, он отзывается с радостью как про возможность узнать нечто ранее неизвестное, научиться чему-то новому.

Основную жизненную установку нарратора, проходящую практически через все эпистолярные – и художественные – произведения Горецкого, можно охарактеризовать его словами, обращенными к Л.У. Горецкой: «Не грусти, надо жить, как приходится. Бывает и хуже, ничего не сделаешь» («Не сумуй, трэба жыць, як прыходзіцца. Бывае і горш, нічога не зробіш») [2, с. 418].

Таким образом, анализ эпистолярного наследия Л. Андреева и М. Горецкого позволяет сделать определенные выводы по поводу особенностей раскрытия самоидентификации рассказчика. В письмах Л. Андреева прослеживается концепция индивидуалистического существования. Становление личности происходит через стремление выделиться из безликой массы людей, через отдаление от реальных жизненных обстоятельств. В результате действительность обретает черты абсурда и фантазмагии. Указанные моменты хорошо отразились и в художественной «малой» прозе писателя (рассказы «Тьма» (1907), «Рассказ о Сергее Петровиче» (1900), «Бездна» (1902), «Елеазар» (1906), «Тьма» (1907), «Сын человеческий» (1909)). В эпистолярных М. Горецкого вырисовывается концепция сосуществования человека с другими людьми и жизненными реалиями – даже если это мрачно-фантазмагические реалии (отражены писателем в поздних автобиографических произведениях «Лявониус Задумекус», «Сокровища жизни»). Самоидентификация человека происходит на пути соотношения себя с окружением и принятия себя, других и условий существования. Указанные особенности раскрытия самоидентификации личности характерны также для художественной прозы М. Горецкого (рассказы «У лазні» (1912), «Роднае карэнне» (1913), «Рунь» (1914), «Ідуць усе – іду я» (1919)). В результате формируется морально зрелая личность с высоким уровнем личностной и социальной идентичности.

И русскому, и белорусскому автору удалось акцентировать внимание на тех кризисных моментах самоидентификации личности, которые были наиболее актуальны в ту эпоху русского и белорусского общества. Отличия в направленности личностных поисков Л. Андреева и М. Горецкого были сформированы под влиянием разных условий культурно-исторического развития на переломе XIX – первой трети XX веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.Н. Письма к Н.А. Чукмалдиной [Электронный ресурс] // [сайт]. // <https://www.litres.ru/leonid-andreev/pisma-k-n-a-chukmaldinoj/> (дата обращения: 19.09.2017).
2. Гарэцкі М. Творы: Дзве душы: аповесць. Аповяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: п'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты. Мінск: Маст. літ., 1990. 629 с.
3. Гиппиус З.Н. Последняя беллетристика // Собрание сочинений: в 15 т. – М., 2001 – 2012. – Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. – М., 2003. – С. 38–41.
4. Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; под ред. И.С. Зильберштейн. М.: Наука, 1965. 630 с.
5. Софронова Л.А. Маска как прием затрудненной идентификации // Культура сквозь призму идентичности: сб. ст. / Институт славяноведения РАН; отв. ред.: Л.А. Софронова, Н.М. Филатова. М.: Индрик, 2006. С. 343–359.
6. Стральцова В.М. Шлях да сябе: сучасная аўтабіяграфічная проза як мастацкая сістэма. Мінск: Бел. Навука, 2002. 112 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Andreev L.N. The letters to N.A. Chukmaldinoj [electronic resource], [site]. // <https://www.litres.ru/leonid-andreev/pisma-k-n-a-chukmaldinoj/> (date of the application: 19.09.2017).

2. Garjecki M. Works: Two Souls: novel. Stories. Playful Pisarjevich: play. Literary Criticism and Journalism. Letters. Minsk: Im. Fiction, 1990. 629 p.
3. Gippius Z.H. Last Fiction, Collection of works: in 15 t., M., 2001–2012, T. 7. We and They. Literary diary. Journalism 1899–1916 years, M., 2003, P. 38–41.
4. Gor'kij i Leonid Andreev: Unpublished Correspondence, USSR Academy of Sciences. Institute of World Literature named after A.M. Gor'ki; edited by I.S. Zil'bershtejn. M.: Science, 1965. 630 p.
5. Sofronova L.A. Mask as the Method of Obstructed Identity, Culture Through the Prism of Identity: Collection of Articles, Institute of Slavic Studies RAS; ex. ed.: L.A. Sofronova, N.M. Filatova. M.: Indrik, 2006. P. 343–359.
6. Stral'cova V.M. Way to Yourself: Modern Autobiographical Prose as an Artistic System. Minsk: Bel. Science, 2002. 112 p.

Поступила в редакцию 14.02.2018.

Для цитирования:

Глазман Л. Я. Проблема передачи нарраторской самоидентификации в эпистолярных произведениях Л. Андреева и М. Горького // Гуманитарный научный вестник. 2018. №3. С. 1-8. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1803Glazman.pdf>